

залогами различия в «поверхностной структуре» предложения, хотя бы и при одном и том же отношении действия к его субъекту в обоих предложениях, например: *Дом строится рабочими* — *Рабочие строят дом*. Для вторых в обоих приведенных примерах — лишь один залог, поскольку одним и тем же остается отношение действия к его субъекту: 'дом строят рабочие', но не 'дом строит рабочих'. Для вторых двумя различными противопоставленными залогами будут различия в «глубинной семантической структуре» высказывания, хотя бы и при одинаковом строении предложения, например: *Ребенок идет* — *Ребенок огорчает*; *Ребенок смеется* — *Ребенок смешит*. Иногда к этому, самому существенному различию между подходами к залогам, присоединяются вторичные, вытекающие из вопроса о том, следует ли учитывать дополнение-объект. В таком случае в синтаксическом определении залога появляется разновидность: залог как отношение глагола-сказуемого к подлежащему и дополнению в предложении. Такая же разновидность появляется и в семантическом определении: залог как отношение действия к его субъекту и объекту.

В свете семиологического подхода и исторических данных последние разновидности представляются недостаточно адекватными и к тому же излишне сложными. При определении залога необходимо и достаточно учитывать лишь отношение действия к его субъекту и глагола-сказуемого к его подлежащему, как предлагал Ф. Ф. Фортунатов («О залогах русского глагола», 1899 г.). В настоящее время это определение получило новые подтверждения в работах французской и польской лингвистических школ. Б. Потье установил связь так понимаемого залога с основными типами предикации³. А. Вежбицка затронула этот вопрос в рамках теории семантического анализа («семантического языка» для описания значений). Она показала, что отношение действия к его субъекту является глубинной семантической сущностью, конечным, предельным результатом семантического анализа предикации, в то время как отношение действия к его объекту составляет всего лишь или поверхностную или промежуточную структуру и соответственно лишь промежуточный этап анализа. Так, например, высказывание *Адам разбил стекло молотком* семантически анализируется (раскладывается) следующим образом: '1) стекло разбилось (начало быть разбитым) 2) потому что 3) тело Адама столкнулось с молотком 4) и 5) передвинулось 6) таким образом, что 7) молоток столкнулся (резко) со стеклом 8) потому что 9) Адам так хотел'⁴. Из этого семантического анализа, в частности, вытекает, что 'субъект и его внутренний процесс' является более элементарной семантической сущностью, нежели 'субъект и производимое им во вне действие'. Переходные и каузативные глаголы, с этой точки зрения, должны описываться как семантически более сложные и производные.

Что касается двух основных определений залога, то оба представляют равно справедливыми и допускающими совмещение в одном, более общем определении. Различие между ними, сохраняемое и в общем определении, заключается лишь в том, что они относятся к разным уровням категории залога: семантическое определение относится к более глубинному уровню, синтаксическое — к более поверхностной структуре. В соответствии с общим семиологическим положением более глубокий уровень языковой категории соответствует более общему историческому архетипу. Действительно, как будет показано ниже, семантическое определение залога отвечает глубинной организации самых разных индоевропейских языков и, по-видимому, протоиндоевропейского. Напротив, синтаксиче-

³ Pottier B. Présentation de la linguistique. Fondements d'une théorie. Paris, 1967, p. 41 et passim.

⁴ Wierzbicka A. Ciało i umysł — z punktu widzenia semantycznego. — В кн.: Wierzbicka A. Dociekania semantyczne. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969, s. 75 (мы несколько изменили лексику примера).